

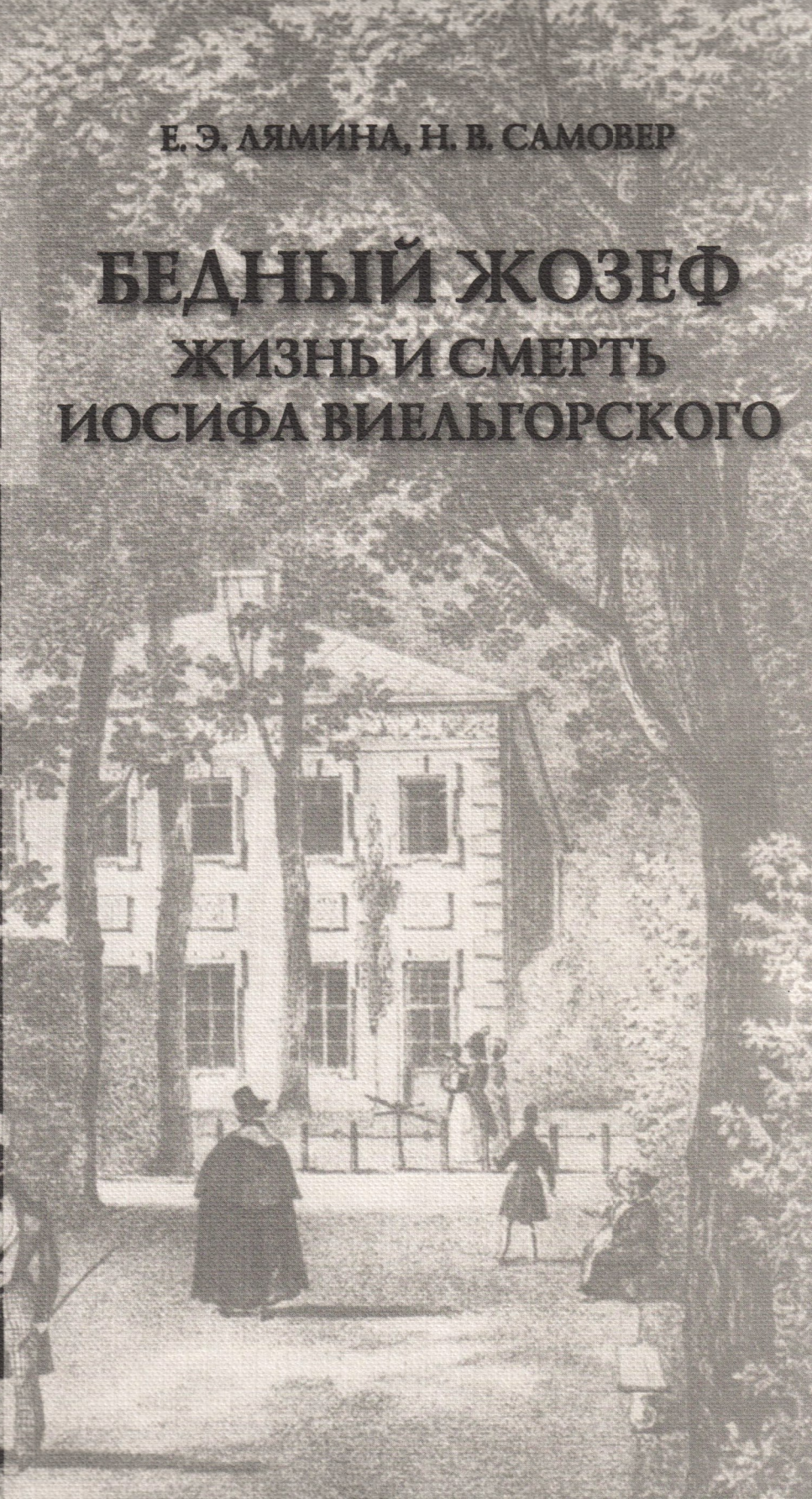

Е. Э. ЛЯМИНА, Н. В. САМОВЕР

БЕДНЫЙ ЖОЗЕФ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ИОСИФА ВИЕЛЬГОРСКОГО

ББК 63.3(0)52
Л 97

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16108

Лямина Е. Э., Самовер Н. В.

Л 97 «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского: Опыт биографии человека 1830-х годов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 560 с., ил.

ISBN 5-7859-0089-0

В книге на основании широкого круга источников (в том числе привлекаемых впервые) реконструируется биография И. М. Виельгорского (1817–1839), выходца из аристократической семьи музыкантов и меценатов, воспитанника В. А. Жуковского. Многообразие материалов и точек зрения на личность центрального персонажа позволяет проследить как формирование самосознания молодого человека 1830-х годов, так и складывание в представлениях современников образа, нашедшего воплощение в творчестве Н. В. Гоголя и А. А. Иванова.

ББК 63.3(0)52

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер, 1999

Содержание

От авторов	7
<i>Глава I. В семье</i>	<i>13</i>
<i>Глава II. Во дворце</i>	<i>75</i>
<i>Глава III. Дневник</i>	<i>181</i>
<i>Глава IV. За границей</i>	<i>333</i>
<i>Глава V. Рим</i>	<i>381</i>
<i>Глава VI. «Ночи на вилле» и «Явление Мессии»</i>	<i>469</i>
<i>Post mortem.</i>	<i>505</i>
<i>Домашние прозвища Виельгорских</i>	<i>517</i>
<i>Аннотированный указатель имен</i>	<i>518</i>

Фамильная легенда повествует о происхождении рода Виельгорских от французских аристократов Граммон, которые приехали в Польшу в свите Генриха III Валуа, в 1574 г. избранного польским королем, и, переведя свое родовое прозвание на польский язык, стали называть себя Виельгорскими¹ (Grand Mont, Gramont = Wielka Gora, Большая гора). Скорее всего, эта легенда имеет мало общего с действительностью: П. В. Долгоруков² указывает, что в начале XVI в. Виельгорские, выходцы из Червонной Руси, исповедовали православие, и окатоличились лишь позднее. Литовский великий кухмистр (обергофмаршал) Михаил Виельгорский был послом Тарговицкой конфедерации в Париже и вместе с Ж. Ж. Руссо работал над проектом польской конституции; 27 февраля 1787 г. он был возведен австрийским императором Иосифом II в графское достоинство Священной римской империи³. Его старший сын Юрий, последний польский посланник в Петербурге, в 1786 г. перешел в русскую службу, получил от Екатерины II чин камергера и вскоре женился на фрейлине Софье Дмитриевне Матюшкиной (впрочем, российское подданство он принял только в 1794 г.⁴). Матюшкины состояли в свойстве с Романовыми: в 1626 г. царь Михаил Федорович и стольник Иван Матюшкин женились на родных сестрах—дочерях Лукьяна Стрешнева. По матери молодая графиня Виельгорская происходила из рода князей Гагариных. Из политических соображений—в преддверии второго раздела Польши—Екатерина II поощряла подобные браки польских магнатов (примерно в эти же годы представители рода Браницких, Пассеков и др. также женились на русских). Со стороны Юрия Виельгорского

¹ Впоследствии эта труднопроизносимая для русских фамилия варьировалась на разные лады: Вьельгорский, Вельегорский, Вилигорский, Вельгурский и проч. В настоящее время принято написание Виельгорский.

² Долгоруков П. В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 95.

³ Диплом на пожалование графского достоинства см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. № 1096. Л. 10 (копия его сохранилась в том же архиве: Ф. 1681. Оп. 1. № 113).

⁴ Его прошение об этом см.: РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 611.

этот союз был, видимо, дипломатическим шагом: А. В. Храповицкий 24 ноября 1787 г. упоминает в дневнике о недовольстве императрицы «Вилегурским, сватающимся на Матюшкиной», который «явился бездельником и берет ее только для денег; он писал к любовнице своей, да еще к другой, на коей был помолвлен. Он в одно время трех обманывает»⁵.

Появлявшихся на свет детей крестили, видимо, в католической вере: во всяком случае, 5 июня 1794 г. в Царском Селе Екатерина II стала восприемницей от купели сразу четверых сыновей Ю. М. Виельгорского⁶. В лоно православия перешли старшие Михаил и Иосиф, родившиеся соответственно 31 октября 1788 и 12 марта 1790 г., а также Юрий и Александр⁷, точные даты рождения которых нам неизвестны. Младенец Матвей, появившийся на свет 15 апреля 1794 г., в этой церемонии не участвовал, поскольку был сразу крещен по православному обряду. В фонде Виельгорских в Рукописном отделе Пушкинского дома сохранились четыре силуэтных портрета детей, скорее всего, мальчиков приблизительно шести, восьми, десяти и четырнадцати лет, наклеенные на один лист бумаги⁸. К сожалению, точно определить личности изображенных невозможно.

С восшествием на престол Павла I Ю. М. Виельгорский стал гофмаршалом, тайным советником и сенатором. Его сыновья были пожалованы в кавалеры ордена св. Иоанна Иерусалимского⁹. По-видимому, дети стали мальтийскими кавалерами вслед за отцом или одновременно с ним.

⁵ Памятные записки А. В. Храповицкого... М., 1990. С. 44.

⁶ Сохранилось свидетельство Придворной Конторы об этом событии (ПД. Ф. 50. № 198). См. также запись в Камер-фурьерском церемониальном журнале 1794 г. (СПб., 1893. С. 429).

⁷ В мае 1802 г. появился на свет сын Ю. М. Виельгорского от второго брака, также названный Александром (Долгоруков, впрочем, указывает двойное имя—Эдуард-Александр—видимо, дань нерусскому происхождению родителей). Одновременное существование двух сыновей с одним именем в дворянской семье этой поры представляется маловероятным (хотя в XVI—XVII вв. такое явление было широко распространено), поэтому не исключено, что старшего Александра Юрьевича к этому времени уже не было в живых.

⁸ ПД. Ф. 50. № 211.

⁹ См. письмо императрицы Марии Федоровны к А. А. Матюшкиной от 18 декабря 1799 г. об этом (ПД. Ф. 50. № 151; ср. указание в формулярном списке Мих. Ю. Виельгорского (1850)—РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 42).

Ю. М. Виельгорский, будучи большим любителем музыки, одним из учредителей Петербургского филармонического общества, всячески старался развивать незаурядные музыкальные способности своих детей. Старший, Михаил, лет с десяти начал брать уроки игры на скрипке. К 1801 г. относятся его первые композиторские опыты; контрапунктом с ним занимался И. Г. Миллер, гармонией—испанский композитор В. Мартин-и-Солер¹⁰, автор ряда популярных опер-буффа. Однако наибольшую музыкальную славу семейству впоследствии доставил не Михаил Юрьевич, а его брат Матвей, выдающийся виолончелист¹¹.

В 1796 г. умерла С. Д. Виельгорская, и заботу о детях приняла на себя бабушка, статс-дама А. А. Матюшкина—одна из авторитетнейших фигур петербургского большого света. После нескольких лет вдовства Ю. М. Виельгорский женился вторично—на красавице Елизавете Станиславовне Сиверс (урожденной Снарской); в 1802 г. родился его последний ребенок, сын Александр, а два года спустя жизнь семьи резко переменялась: скончалась А. А. Матюшкина, и в тот же год Виельгорские покинули Петербург. Юрий Михайлович решил на время переселиться в Париж, «желая напечатать свои сочинения и вместе с тем заботясь об окончательном воспитании сыновей своих»¹². Уезжая, Виельгорские решили расстаться с частью своей нотной библиотеки. Судя по тексту объявления о ее продаже, это было одно из крупнейших собраний такого рода в Петербурге, а может быть, и в России: «Любители музыки уведомляются, что в музыкальном магазине господина Феврие, состоящем в Садовой улице, против железных ворот Михайловского дворца¹³, продается собрание нот, принадлежащих ее сия-

¹⁰ О полученном Мих. Ю. Виельгорским музыкальном образовании см.: Щербакова. С. 13; ряд сведений почерпнут нами из рукописных материалов композитора и музыкального критика А. С. Фаминцына (РО РНБ. Ф. 805. № 64. Л. 151—153).

¹¹ См. об этом: Гинзбург Л. С. История виолончельного искусства. Кн. 2. Русское виолончельное искусство до 60-х годов XIX в. М., 1957. С. 278—330.

¹² Н. М[ундт?] Графы Виельгорские-Кирде // Энциклопедический лексикон. Т. 10. СПб., изд-во А. А. Плюшара, 1837. С. 527. Из принадлежащих перу Ю. М. Виельгорского сочинений теоретико-политического характера, оставшихся неизданными (некоторые сохранились в ПД. Ф. 50), широкой известностью пользовался трактат «О воспитании российского дворянского юношества», который расхвалился в списках.

¹³ Имеется в виду Михайловский (Инженерный) замок—бывшая резиденция императора Павла I.

тельству графине Виельгорской. Оно состоит из 600 квартетов, 200 квинтетов, секстуоров и разных симфоний, более 400 арий, дуэтов, триоров, для пения 40 портиций¹⁴ французских опер, более 500 сонат, концертов и проч. для клавикордов. Все сии ноты хорошо переплетены и сие редкое собрание, составленное новейшими сочинителями, как то: Моцартом, Гейденом, Геслером, Клементием, Дюшекком, Бетговенем, Враницким, Жировецом, Сартием, Пейзиеллом и проч. можно купить за весьма сходную цену. В том же магазине продаются принадлежащие той же особе славные Клементиевы клавикорды о шести полных октавах, спинет и клавикорды, деланные в Петербурге»¹⁵.

Поместив дочерей в Смольный институт, Виельгорские взяли с собой только мальчиков, хотя Михаил, которому в то время было шестнадцать лет, уже числился состоящим в службе¹⁶. Весной 1804 г. по дороге в Европу семейство сделало остановку в Риге. Неизвестные нам обстоятельства (возможно, болезнь графини) помешали продолжению путешествия, а образование летом 1805 г. третий антифранцузской коалиции с участием России и вовсе сделало невозможной поездку во Францию; в итоге семейство обжилось в этом городе, занятия детей, светская и музыкальная жизнь вскоре пошли своим чередом, возобновилось ансамблевое музицирование, исполнение фортепьянных переложений симфонических произведений Моцарта, Бетховена, Баха и Генделя, домашние постановки итальянских опер и французских пасторалей. В музицировании принимали участие все сыновья Ю. М. Виельгорского; известно, что Михаил исполнял партию альты в струнных квартетах, хорошо играл на гитаре и выступал в качестве певца. Благодаря этим концертам дом Виельгорских превратился в наиболее из-

¹⁴ Партитур.

¹⁵ Санктпетербургские ведомости. 1804. С. 1823. По мнению А. С. Розанова (комментарий к изд.: Столпянский П. Музыка и музицирование в старом Петербурге. Л., 1989. С. 212), собрание принадлежало первой жене Ю. М. Виельгорского. Это возможно: в таком случае объясним сам факт продажи, однако остается неясным, почему ноты названы не «принадлежавшими», а «принадлежащими» графине Виельгорской. «Клементиевы клавикорды» — изготовленные на одной из фабрик, принадлежавших композитору М. Клементи.

¹⁶ 4 января 1804 г. он был причислен к Коллегии иностранных дел, а через день пожалован «в камер-юнкеры V класса с оставлением в ведомстве той же коллегии». Здесь и далее сведения о службе Мих. Ю. Виельгорского даются по формулярному списку — РГИА. Ф. 938. Оп. 1. № 42.

вестный музыкальный салон города¹⁷. Одним из его посетителей был К. Н. Батюшков, который летом 1807 г. лечился в Риге после ранения¹⁸. Хотя знакомство поэта со старшим из сыновей Ю. М. Виельгорского не переросло в дружбу, несколько лет спустя Батюшков вернулся к впечатлениям того времени в поэтическом послании к приятелю:

О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас, юношей, увидела Двина!
(...) сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
Обетованный край, где ветренный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует (...)
Вливает томный огонь и в очи и в уста,
А в сердце юное — любви прямое чувство¹⁹.

Батюшков пробыл в Риге около двух месяцев и в июле 1807 г. покинул город. Виельгорские также недолго после этого оставались в Лифляндии. Возможно, они решили все-таки продолжить прерванное путешествие, но когда семья уезжала из Риги, графини уже не было в живых, а в 1808 г. в Кенигсберге скончался и Юрий Михайлович. Это заставило его сыновей в очередной раз изменить свои планы и вернуться в Петербург. Примерно в это время Михаил Юрьевич вступил в столичную масонскую ложу «Palestine», членами которой были преимущественно французы²⁰. «Вольными каменщиками» были его отец и дед, и от них он должен был унаследовать немалое количество «братских» связей и знакомств по всей Европе, что несомненно облегчило бы ему вхождение в аристократические салоны тех столиц, которые он планировал посетить.

Достоверными сведениями о начале этого долгожданного вояжа мы не располагаем, неизвестно даже, кто еще из братьев помимо Ми-

¹⁷ Rudolf M. Rigaer theater- und tontkunstler Lexicon. Riga, 1890. S. 264.

¹⁸ Батюшков был ранен в сражении при Гейльсберге 10 июня 1807 г.

¹⁹ Батюшков К. Н. Сочинения. М., 1955. С. 111. «Послание (графу) В(елеурско)му» принято датировать концом декабря 1809 г.

²⁰ Здесь и далее мы опираемся на уточненные данные о масонской деятельности Мих. Ю. Виельгорского, любезно предоставленные нам А. И. Серковым.

хаила Юрьевича отправился тогда за границу. В Европе молодого Виельгорского интересовала в первую очередь музыкальная жизнь. Проезжая через Вену, он познакомился с Бетховеном и в числе немногих слушателей присутствовал 22 декабря 1808 г. при первом исполнении четвертого фортепианного концерта, Пятой и Шестой («Пасторальной») симфоний. «Одинокó сидел он в нумерованных креслах, и Бетховен, выйдя на вызов, послал ему со сцены полудружеский, полуиронический поклон»,—сообщает, опираясь на устные воспоминания самого Виельгорского, его знакомец, немецкий пианист и музыкальный критик Ф. фон Гиллер²¹. В Париже Михаил Виельгорский проходил курс контрапункта под руководством композитора Луиджи Керубини, в то же время он вращался в высшем обществе, был принят в салоне близкой родственницы Наполеона, молодой нидерландской королевы Гортензии де Богарнэ, и аккомпанировал на фортепиано ее пению. Мих. Ю. Виельгорский вернулся в Петербург, вероятно, не позднее 1811 г. Службой он по-прежнему не был обременен, однако чин V класса, соответствующий рангу вице-губернатора, и придворное звание камер-юнкера обеспечивали ему высокое общественное положение. Незначительные перемены в его служебном статусе произошли в апреле 1812 г., когда из Коллегии иностранных дел он был переведен в ведомство народного просвещения. А несколькими месяцами ранее, 23 января, А. Я. Булгаков сообщал брату свежую новость: «Молодой Виельгорский женится на меньшей Бирон»²².

Курляндский дворянский род Биронов известен с XVI в., но вплоть до блистательного возвышения самого известного своего представителя он не отличался ни знатностью, ни богатством. Владетельным герцогом Курляндским и Семигальским Эрнст Иоганн Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны, стал в 1737 г., но в марте 1795 г. его старший сын Петр добровольно отрекся от курляндского престола в связи с окончательным вхождением этой части Прибалтики в состав России. В качестве компенсации Бироны получили значительную денежную сумму и крупные поместья во внутренних губерниях.

²¹ Цит. по: Письма Бетховена. 1807—1811. М., 1970. С. 303. Поклонником музыки Бетховена был и отец Мих. Ю. Виельгорского, и его дядя Михаил Михайлович, в 1795 г. в Вене подписавшийся на изданные композитором три больших трио для фортепьяно, скрипки и виолончели (Там же. С. 469).

²² РА. 1900. № 5. С. 7. Оригинал по-французски.

Фрейлина Екатерина Бирон, невеста Мих. Ю. Виельгорского, была дочерью генерал-майора русской службы Карла Эрнста Бирона, младшего сына знаменитого временщика, и княжны Аполлонии Матвеевны Понинской. Помимо четырех братьев и сестер, умерших в младенчестве, у нее было два старших брата (Густав Каликст и Петр Алексей) и старшая же (на два года) сестра Луиза. В 1800 г. К. Э. Бирон овдовел, и его малолетних дочерей взяла под свое покровительство императрица Мария Федоровна. Они были помещены в Смольный институт; все расходы по содержанию сирот нес император: сначала Павел I, потом Александр I. Через год девочки лишились отца и с этих пор оказались полностью замкнутыми в небольшом мире Смольного: их старший брат жил за границей, младший же, находившийся на русской службе, крайне редко навещал сестер, поскольку условия воспитания в институте предполагали полную изоляцию детей от родных. Луиза и Екатерина Бирон находились в Смольном на привилегированном положении: жили в отдельных комнатах, а не в дортуарах, как прочие воспитанницы, обедали с начальницей института, а не за общим столом, имели даже свою гувернантку. Впрочем, это лишь отчасти скрашивало для них тяжелое переживание сиротства. Позднейшее страстное материнство старшей принцессы Луизы и ее неприятие наемных воспитателей, становящихся между матерью и детьми, вероятно, восходит именно к этим невеселым годам.

Девуцы Бирон вышли из института вместе, в 1809 г.; Луиза, очевидно, училась лучше сестры и была выпущена с шифром²³. Императрица Мария Федоровна продолжала их опекать, поэтому во фрейлины были пожалованы обе молодые принцессы. Ф. А. Бюлер, внук Е. А. Пальменбах, бывшей в 1797—1802 гг. начальницей Смольного, передает воспоминания своей бабушки о фрейлинах Бирон, доводившихся ей двоюродными сестрами²⁴: «Братья их (...) пользовались на высочайших выходах правом следовать из внутренних апартаментов *непосредственно за императорскою фамилиею* (...) принцессы Луиза и Екатерина кичились тем, что если бы дядя их герцог Петр не уступил Курляндии России, то сами они могли бы иметь при себе фрейлин»²⁵. В этой над-

²³ Черепнин Н. П. Императорское воспитательное общество благородных девиц... Т. 3. Пг., 1915. С. 502.

²⁴ Мать Е. А. Пальменбах—баронесса Черкасова, урожденная Бирон, была родной сестрой отца Луизы и Екатерины.

²⁵ РС. 1890. № 3. С. 831.

менности, очевидно, давало себя знать уязвленное честолюбие захудалого дворянского рода, внезапно вознесенного на один уровень с владетельными фамилиями Европы и столь же внезапно вновь низведенного до уровня подданных. Брак с графом Виельгорским с точки зрения амбициозных Биронов мог представляться мезальянсом, однако есть сведения, что эту свадьбу устроила сама императрица Мария Федоровна²⁶. Венчание состоялось в Большой церкви Зимнего дворца 18 февраля.

В июне 1812 г. Михаил Юрьевич с молодой женой и братьями отправился в Москву, чтобы присутствовать на бракосочетании своей сестры Дарьи с С. А. Волковым 5 июля. Покидая Петербург, они, скорее всего, еще не знали о том, что началась война (неофициальное известие о переходе армии Наполеона через Неман пришло в столицу 17 июня). Через несколько дней после их приезда в Москву М. А. Волкова делилась со своей петербургской подругой В. И. Ланской первыми впечатлениями от встречи с будущими родственниками: «Я познакомилась с моей невесткой и со всем ее семейством. Они все очень приятные люди. Жена Михаила Виельгорского более дитя, нежели обыкновенно бывают в ее годы; но она так мила, так старается всем угодить, что невольно находишь прелесть в ее наивности»²⁷. Ланскую, видимо, не удовлетворила эта беглая характеристика, и 8 июля ей был отправлен целый очерк: «Тебе интересно знать мое мнение о семействе Виельгорских. Вот три недели, как я вижусь с ними с утра до вечера и потому могу судить о них. Жена Виельгорского премилый ребенок, но не более как ребенок, которого необходимо руководить; ей нужно давать советы, сдерживать ее подчас, так как у нее довольно упрямый характер; я замечая, что в семействе о ней имеют мнение одинаковое с моим. Муж ее добрейший из людей, но бесхарактерный; ему не справиться с ней, тем более, что он дает вертеть собой как угодно, почти всегда исполняет волю Катиши, и я ему предсказываю, что через два или три года он постоянно будет плясать по ее дудке. Впрочем, она очень мила и в обществе весьма приятна. Что касается до ее ребячества, не могу дать тебе лучшего образчика его, как рассказав,

²⁶ Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 41.

²⁷ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2378—2379 (письмо от 24 июня 1812 г.). «Невестка» — Д. Ю. Виельгорская (в примечании к публикации содержится неверное указание на то, что речь идет о Луизе Бирон — старшей сестре Е. К. Виельгорской).

что она понять не может, почему настоящая война всех интересует. Я из сил бьюсь, объясняя ей, что от этого зависит общее спокойствие; слова мои даром пропадают: она гораздо более думает о кружевах и тряпках, нежели о судьбе страны, в которой живет. На первых порах я заметила в ней желание разыгрывать петербургскую барыню (впрочем, со мной она всегда очень вежлива) в отношении некоторых особ, которых она даже оттолкнула своим обращением. Третьего дня, оставшись одна с ней и Дашей, я начала разговор о том, какое неприятное впечатление производит важничанье особ, приезжающих из Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя, и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смешно нам, москвичам. Я прибавила, что такие особы обыкновенно бывают всеми покинуты, так как у нас не любят тех, кто высоко задирает нос. (...) — Катюша разделила мое мнение, и до сих пор мы с нею большие друзья. Что касается Даши, то она так кротка, так добра, что такого рода мысли ей и в голову не приходят. Из младших братьев я больше всех люблю Матвея. Иосиф слишком дик. Впрочем, теперь он более общителен; прежде, говорят, он кроме как с своей сестрой ни с одной женщиной не разговаривал. Самый младший²⁸ прелестный. Вообще все семейство прелестное; они все дружны между собою, что так редко встречаешь в нашем веке»²⁹.

15 июля Волкова сообщает о том, что Матвей Виельгорский вступил в армию³⁰; в начале 1813 г. генерал В. С. Трубецкой взял его к себе в адъютанты. Возможно, он считал молодого графа своим собственником по первой жене — герцогине Екатерине Фридерике Бирон, с которой он, впрочем, развелся еще в 1806 г., прожив в этом браке только год. Ровно через месяц после поступления Матвея на военную службу молодые Волковы уехали из Москвы, к которой приближался неприятель. Возможно, с ними отправились и Виельгорские: беременной Екатерине Карловне необходимо было находиться в окружении родственников. Через некоторое время М. А. Волкова с матерью и

²⁸ Александр, сын Ю. М. Виельгорского от второго брака.

²⁹ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2381—2383.

³⁰ Вступив корнетом в 3-й Украинский казачий полк, Матв. Ю. Виельгорский затем перешел в Кавалергардский полк. В начале 1821 г. после тяжелой болезни он перевелся в Псковский полк, где служил до выхода в отставку в 1826 г. (в чине полковника).

своими кузинами Валугевыми также покинула столицу. В конце августа все они наконец съехались в Тамбове. Однако Виельгорские не задержались в переполненном беженцами городе и вскоре, видимо, отправились дальше — в принадлежавшее им село Ерлево Керенской округи Пензенской губернии. Михаил Юрьевич все время находился в разъездах. 22 октября Волкова из Тамбова писала Ланской: «Михайло Виельгорский уже три дня как здесь и нынче едет в пензенское свое имение, где оставил жену, и намерен пробыть там до зимы. Вероятно, по первому снежному пути вернется в Тамбов. Катиша, Даша, Валугевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжем»³¹. Впрочем, как оказалось, Екатерина Карловна иначе представляла свое ближайшее будущее. Она наверняка переписывалась с сестрой, находившейся в Петербурге, и делилась с ней своими планами. Возможно, именно через старшую Бирон Ланской стало известно о намерении Катиши приехать для родов в столицу. Сообщив об этом Волковой, она вызвала немалое изумление: «Виельгорские и не думают ехать в Петербург. Очень может быть, что Катиша сюда приедет родить, так как [так что?] вскоре здесь соберется вся их семья»³². И все же Волкова явно поторопилась, уверяя свою корреспондентку в том, что Виельгорские не поедут далее Тамбова. «Упрямый характерец» молодой графини дал себя знать; в письме от 17 декабря звучат ноты досады и тревоги: «Не стыдно ли вам отнимать у нас Виельгорских? — пишет Волкова. — Впрочем, берите их. Катиша непременно хочет ехать вопреки всему семейству и своему бесхарактерному мужу»³³.

Следствия этой неразумной настойчивости, которой Михаил Юрьевич не сумел противостоять, оказались трагическими: Виельгорские не доехали до Петербурга, и 31 января 1813 г. в разрушенной Москве Екатерина Карловна умерла в родах³⁴.

Письма Волковой к Ланской со времени опубликования приобрели широкую известность — в первую очередь потому, что в значительной

³¹ РА. 1872. Кн. 2. Стлб. 2408. Упоминание Е. К. Виельгорской, находившейся в это время в пензенском имении, объясняется, вероятно, тем, что ее муж рассказывал родным о ее занятиях.

³² Там же. Стлб. 2416 (письмо от 28 октября 1812 г.).

³³ Там же. Стлб. 2431.

³⁴ В опубликованных письмах Волковой имя молодой графини более не упоминается; о дате смерти Е. К. Виельгорской см.: РС. 1890. № 3. С. 830.

их части речь идет о событиях Отечественной войны. В частности, они послужили Льву Толстому при работе над «Войной и миром» одним из пособий для изучения интересовавшей его эпохи; так, отмечалось, что слог писем княжны Марьи Болконской к ее подруге Жюли Карагиной отчасти воспроизводит приемы эпистолярного стиля М. А. Волковой. Основательное знакомство писателя с этим источником могло оказать влияние еще на один образ — княгини Lise Болконской, прототипом которого послужила Е. К. Виельгорская, вернее, то, как ее рисовала в своих письмах Волкова.

Традиционно принято считать, что в «маленькой княгине» Толстой запечатлел некоторые черты Луизы Ивановны Труссон, которая в 1842 г. стала женой А. А. Толстого, троюродного брата писателя. На обратной стороне ее портрета, находившегося в яснополянском доме, рукой С. А. Толстой была сделана помета, удостоверяющая, что Луиза Ивановна — прототип Лизы Болконской³⁵ (скорее всего, здесь имелось в виду в первую очередь сходство внешности и отчасти имени: Lise — Louise). К семейным толстовским воспоминаниям восходит также описание смерти княгини в родах — такова же была кончина матери писателя, умершей в 1830 г. при рождении дочери Марии.

В ходе работы над «Войной и миром» образ «маленькой княгини» не претерпел никаких существенных изменений, оставаясь таким же, как был намечен еще в первом варианте романа, создававшемся одновременно с чтением писем Волковой. Сопоставление текстов свидетельствует, что общих черт в облике героини Толстого и Е. К. Виельгорской так много, что едва ли можно говорить о случайном совпадении. Прежде всего это свежесть и молодость княгини, о которых неоднократно упоминает писатель, ее подчеркнуто детская беспомощность («детский страх неотвратимого физического страдания», «заплакала детски-страдальчески») и «игрушечная» миловидность. В толстовских портретах Lise бросается в глаза обилие уменьшительных суффиксов: «хорошенькая», «маленькая», «толстенькая, румяная», «прелестное, детское личико», «прекрасные глазки», «румяный, прелестный ротик с губкой, покрытою черными волосиками». «Ах, André! Quel trésor de femme vous avez»³⁶ (...) Она совершенный ребенок, такой милый, весе-

³⁵ Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967. С. 130.

³⁶ Андрей! Какое сокровище твоя жена (фр.; пер. Л. Н. Толстого).

лый ребенок (...) Она так мила, так добра (...)» — так говорит княжна Марья о своей невестке, явно вторя описанию Катиши Виельгорской у М. А. Волковой («более дитя, нежели обыкновенно бывают в ее годы; но она так мила (...) премилый ребенок»³⁷).

Сходство поддерживается и тем, что «маленькая княгиня» изъясняется по-французски, окружающие зовут ее чаще Lise, чем Лиза, подобно тому, как Е. К. Виельгорскую близкие называют также на французский манер Катишей; совпадает, что небезынтересно, и отчество, и немецкое происхождение: Болконская (урожд. Мейнен) — Елизавета Карловна, Виельгорская (урожд. Бирон) — Екатерина Карловна. Lise в совершенстве владеет искусством светского обращения, салонной *sauteserie*³⁸. На вечере у Анны Павловны Шерер, в своем петербургском доме, в Лысых Горах — везде она ведет себя одинаково, дифференцируя лишь приемы обращения с мужчинами и женщинами: «капризно-игривым тоном», «подмигнув», «погрозила пальчиком» — таковы ремарки романиста. В сущности, она не мыслит себя без этой стихии и не умеет жить иначе, даже оказавшись в доме своего сурового свекра, где ее столичный лоск выглядит неуместным ломаньем. Точно так же и Виельгорская, по свидетельству Волковой, пыталась в Москве «на первых порах (...) разыгрывать петербургскую барыню».

Героиня «Войны и мира» при всей доброте и очаровании крайне пуста и даже глуповата. Ей трудно уразуметь, чем военное время отличается от мирного: «Я не понимаю, решительно не понимаю, отчего мужчины не могут жить без войны. (...) Ah! ne me parlez pas de ce départ, ne m'en parlez pas. Je ne veux pas en entendre parler»³⁹, — говорит она Пьеру об отъезде мужа в действующую армию. Тем же «капризно-игривым» тоном отзывается поведение Катиши Виельгорской в передаче Волковой: «Она понять не может, почему настоящая война всех интересует. Я из сил бьюсь, объясняя ей, что от этого зависит общее спокойствие; слова мои даром пропадают». Замкнутость Lise в ее «дамском» мирке подчеркнута характером ее немногочисленных занятий:

³⁷ Как с ребенком обращается с женой и князь Андрей: «погладил ее по голове», ср. сцену объяснения княгини с мужем в присутствии Пьера Безухова (т. I. Ч. 1. Гл. 6).

³⁸ Болтовня, легкий разговор (фр.).

³⁹ — Ah! не говорите мне про этот отъезд, не говорите. Я не хочу про это слышать (фр.; пер. Л. Н. Толстого).

на вечере у Шерер она работает над каким-то рукоделием — вероятно, приданым для будущего младенца, в Лысых Горах заботливо наряжает княжну Марью. Тот же мотив прослеживается и у Волковой в связи с Катишей Виельгорской: «гораздо более думает о кружевах и тряпках», «прилежно вяжем». Совпадает и общий очерк биографий обеих женщин: молодые, воспитанные в столичном свете, они против собственного желания оказываются в деревне, панически — и, как выясняется, пророчески — боятся родов и собственной гибели. В эту канву естественно вплетаются и упомянутый Lise в разговоре с княжной Марьей «случай, который был с ними на Спасской горе, грозивший ей опасностью в ее положении», и настойчивое стремление Катиши в Петербург.

Толстой подметил характерный образ Е. К. Виельгорской в письмах Волковой в то время, когда всякая память об этой женщине уже давно изгладилась. Мы не знаем, долго ли грустил о своей утрате Мих. Ю. Виельгорский. Едва ли он задержался в опустошенной Москве после похорон жены и младенца. Направился ли он в одно из своих имений, чтобы провести первое время траура в деревенском уединении, или же сразу поехал в Петербург, неизвестно. Весной 1814 г. он снова посетил Москву. Эта поездка могла быть связана и с желанием повидать сестру и племянника⁴⁰, навестить могилу жены (истек год со дня ее смерти), и с масонской деятельностью, которой Михаил Юрьевич, овдовев, предался с особенным энтузиазмом. К этому времени он тесно сблизился с одним из самых авторитетных русских «вольных каменщиков» И. А. Поздеевым⁴¹ и с его благословения вместе с С. С. Ланским и А. П. Римским-Корсаковым вошел в «триумвират» руководителей петербургских масонов союза Великой провинциальной ложи. Поздеев жил в это время в своем вологодском имении, селе Нелюбовском Кадниковского уезда. В письмах к Виельгорскому он не только дает указания относительно деятельности в рамках ордена (приемы в ложу, духовное руководство братьями, практические советы по взаимодействию с властями), но подбадривает, утешает и наставляет молодого человека, по возрасту годившегося ему в сыновья.

⁴⁰ Сын Волковых Сергей родился в 1813 г.

⁴¹ Знакомство с Поздеевым относится, по всей вероятности, к первой половине 1800-х гг. (ср. письма к нему Виельгорского, приблизительно датируемые этими годами — РО РНБ. Ф. 141. № 144).

В январе 1815 г. в письмах Поздеева возникает тема новой сердечной привязанности Михаила Юрьевича и предполагаемой женитьбы, путь к которой по каким-то причинам непрост и изначально драматичен. Это сопровождается предписаниями быть твердым, настаивать на своем: духовному наставнику Виельгорского, несомненно, была известна и печальная история первой жены графа, и то, какую роль сыграла в этом его бесхарактерность.

«Не унывайте и будьте бодрственны и положитесь на Бога! как ему угодно, так да исполнится, а пребудьте только верны Богу и Ону⁴², а женитца не запрещено, а естли женитесь—будте только мужем, а не женою, будте вы командиром, то и себя спасете и ее, вот должность мужа и ваша,—писал Поздеев 15 января 1815 г.—Вы, яко из брр.⁴³, еще и паче имеете в должности желать спасения особливо той, ково вы хотите сблизить с вами, вы должны делаться средством для спасения, обращая себя к первому! спасающему всех! вспоминайте Бога! Любите ее, естли жена вам надобна, просите ево⁴⁴, даст вам и жену. {...} Пишите ко мне, не стыдитесь, вам недолжно меня стыдиться ни в чем, уже меня ничем не удивите. Помните, что я люблю вас»⁴⁵.

Увлечение Виельгорского тем временем переросло в страсть—столь сильную, что Поздеев, искренне жалея молодого человека и тревожась о его духовном здоровье, засыпает его назиданиями. Поначалу полусутоливые, они затем делаются все более серьезными: «не заглядывайтесь на глаза девиц»; «вся да плотская любовь не отвлечет вас от службы Божией»; «читайте о ислении и сожжении вещей, то вам лехче будет от страсти и уповайте, взирая на страдания [того], за нас которой что претерпел»⁴⁶. Определенное указание на личность избранницы Виельгорского возникает в этих письмах весьма поздно—только в апреле 1816 г.: «весьма желаю, мой любезнейший друг, да сохранит вас Господь и вашу почитаемую своячину»⁴⁷, ибо вы ее спасли по прежней

⁴² Ордену.

⁴³ Братьев.

⁴⁴ Над строкой: Бога.

⁴⁵ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 7—7 об. При цитировании этих писем частично сохранены орфография и пунктуация подлинника.

⁴⁶ Там же. Л. 9 (письмо от 22 января 1815 г.); л. 12 (4 февраля 1816); л. 13 (12 апреля 1816). «Рассуждение об ислении...» (М., 1816)—масонский трактат.

⁴⁷ свояченицу.

истории и все семейство». Что означает последний намек — непонятно, зато становится ясен драматизм событий: брак с Луизой Карловной, сестрой покойной жены и, следовательно, ближайшей родственницей, для Михаила Юрьевича как православного был категорически невозможен. Однако Бироны исповедовали католичество, что оставляло влюбленным некоторое пространство для маневра.

По всей видимости, решившись выйти за Виельгорского, Луиза Бирон еще в 1815 г. обратилась за позволением к католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Тот установленным порядком отправил запрос в Ватикан, откуда соответствующий документ за подписью архиепископа тосканского Северолли был получен не позднее 23 декабря⁴⁸. Таким образом, первая часть плана была осуществлена вполне успешно: диспенса⁴⁹ стала гарантией того, что последующие действия Луизы будут хотя бы с точки зрения католической церкви считаться вполне законными. Имея на руках бумагу из Ватикана и дождавшись конца русского Великого поста, Михаил Юрьевич и Луиза Карловна 23 апреля 1816 г. тайно обвенчались⁵⁰ в православном храме села Ульянки на восьмой версте Петергофского тракта⁵¹. С точки зрения русской церкви это венчание было абсолютно незаконным: и молодым, и священнику, и другим участникам церемонии по закону грозило суровое наказание. Однако С. С. Ланской и А. П. Римский-Корсаков все же отважились быть шаферами. Не приходится сомневаться, что в этом случае ими двигало чувство масонской братской верности. Кроме того, в силу своих убеждений они вообще равнодушно относились к религиозной казуистике, воспрещавшей православному брак со свояченицей.

⁴⁸ Этим числом датирован документ за подписью Сестренцевича, подтверждающий законность будущего брака (ПД. Ф. 50. № 153. Л. 2).

⁴⁹ Разрешение на брак между близкими родственниками. Ср. свидетельство, относящееся к середине 1820-х гг.: «Папа не имеет в России власти, но по спорным разводам, по женитьбам на родственниках (...) Россия предоставила ему [праву] решать» (цит. по: Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 149). Оригинал диспенсы неизвестен.

⁵⁰ Спустя сорок лет Мих. Ю. Виельгорскому пришлось еще раз быть причастным к подобной драматической ситуации. В 1854 г. он был свидетелем на тайном венчании великой княгини Марии Николаевны с графом Г. А. Строгановым (полаунекдотический рассказ об этом см.: Долгоруков. С. 127).

⁵¹ См.: Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912. С. 41. В 1827 г. там же венчался со своей двоюродной сестрой М. А. Корф (см.: РО РНБ. Ф. 380. № 1. Л. 41 об.).

Через много лет графиня Виельгорская сама поведала детям романтическую историю своего замужества; ее дочь Софья спустя еще несколько десятилетий внесла в свои мемуары эти рассказы матери—в том виде, как они ей запомнились. По ее словам, сразу же после венчания новобрачная как ни в чем не бывало вернулась во дворец. Из письма Поздеева известно, что молодожены уже на следующий день уведомили о своем браке императорскую фамилию. Кому они открылись сначала—Александру I или его матери, неясно, однако произошло именно то, на что они надеялись: союз был признан *de facto*, хотя и не без неудовольствия. Следствием этого явилось официальное высочайшее позволение венчаться по католическому обряду. 25 апреля Виельгорский поспешил уведомить обо всем своего духовного руководителя. В ответ тот сердечно поздравлял его: «Видите ли, мой любезнейший граф Михаил Юрьевич! как Бог дал исполниться воле вашей и вашей теперешней супруги? Видите: духовенство западное и восточное позволило и государь соизволил: словом, все правительство позволило, как вам не благодарить Бога (...) а ездить в чужие земли отнюдь ненадобно, так мне кажется. Уже вы ездою вашею прежде испытали.—Вы пишете, не без великих слез это исполнилось, то скажите, перед кем же плакали?—Советовал бы остаться, как вы пишете, на прежней ноге, естли к вам милостивы. (...) хорошо, что друзья ваши вас и при сем не оставили.—Вы пишете, поручителями были гр. Милорадович, гр. Остерман и князь Голицын⁵², в чем же были поручителями⁵³? Скажите: удалиться вам не для чего, все знают! сначала поговорят, а после и оставят, всё так делается. Публика барыня говорливая, да ненадолго»⁵⁴. Сцена объяснения Виельгорских с государем, вне всякого сомнения, была полна драматизма; сами события наделали немало шума (известно, например, что Е. А. Пальменбах была шокирована поступком своей молодой кузины и, «справедливо считая такой брак *нарушением церковных канонов*, отказалась принять визит новобрачных, нисколько не стесняясь тем, что они пользовались весьма почетным положением при дворе; с тех пор она и ее дочери⁵⁵ порвали

⁵² Неустановленное лицо.

⁵³ Возможно, речь идет о ручательстве за то, что Мих. Ю. Виельгорский не станет переходить в католичество.

⁵⁴ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 16—17.

⁵⁵ Софья, Александра и Екатерина.

всякие связи с курляндскими Биронами и перестали считаться с ними родством»⁵⁶). И все же, несмотря на несомненное охлаждение императорской фамилии и демонстративное негодование ряда знакомых, о серьезной опале говорить, видимо, нет оснований.

Избегая лишней огласки и предоставив времени сгладить неприятное впечатление, произведенное их поступком, Виельгорские решили для католического венчания покинуть столицу, что вызвало недоуменный вопрос Поздеева: «Зачем вам ехать из Петербурха, когда уже вам позволено и сделано, да разве католического патера нет в Петербурхе?»⁵⁷ В первой декаде июня они отправились в Витебскую губернию. Очень вероятно, что это было рекомендовано митрополитом Сестренцевичем, который в начале своей духовной карьеры служил в Гомеле и Бобруйске, а в 1773 г. был назначен епископом Белорусским и лично знал многих тамошних священников, в том числе, возможно, и патера Иозефа Яронского, настоятеля костела в местечке Освее Дриссенского уезда, куда и лежал путь молодой четы. По Восточной Белоруссии проходила в то время граница православных и католических земель. После включения этих территорий в состав России вопрос об оформлении смешанных браков оказался весьма актуальным, и механизмы корректного обхода формальностей наверняка были отлажены. Наконец, нельзя исключать и возможности знакомства или родства Мих. Ю. Виельгорского с кем-то из тамошних дворян. Предписание духовного начальства настоятелю Освейского костела о совершении венчания датировано 28-м мая, а 18 июня, во второе воскресенье после католической Пятидесятницы, Луиза Карловна и Михаил Юрьевич сочетались браком⁵⁸. Через день Виельгорский уведомил об этом Поздеева, писавшего в ответ: «поздравляю вас, что вы брак ваш и по-католицики совершили (...) теперь обратитесь совершать дело Божие и удаляться от суэты. (...) Супруга ваша шла за того, у коего правила учиться, то и сама имеет возможность жить счастливее и умнее в сей жизни»⁵⁹.

Остаток лета и начало осени молодожены провели вне столицы (возможно, в Освее), а к середине октября приехали в Петербург. В

⁵⁶ РС. 1890. № 3. С. 821.

⁵⁷ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 18 (письмо от 12 мая).

⁵⁸ ПД. Ф. 50. № 153. Л. 4 (выписка из метрической книги Освейской церкви).

⁵⁹ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 22—22 об. (письмо от 16 июля 1816 г.)

конце этого месяца Поздеев успокаивал и обнадеживал своего корреспондента, которому первые дни по возвращении в столицу, видимо, принесли немало огорчений: «И слава Богу! что дорога была благополучна. Приезд ваш странен покажется ненадолго, а после и говорить перестанут, только надобна эта осторожность, чтобы вам и с Луизой Карловной всячески избегать под видом болезни и не быть ни в собраниях, ни на балах, чтобы не колоть глаз тем, кои охочи судить, и чрез то избежите многова неудовольствия. Еще скажу, что если увидите с Родионом Александровичем⁶⁰ и князем Голицыным⁶¹ и они нападут на вас словами, то вы скажите: «Нельзя де вам не знать о тех, кои явно блядут, а я де имею законный брак, потому что позволенный теми, кои и могут меня осуждать, а вы ни тех не осуждаете, а меня, не имея права, судите, будьте милостивее»,—то они и умолкнут»⁶².

Сведения о жизни Виельгорских в последние месяцы 1816 г. довольно скудны, однако можно с большой долей уверенности предполагать, что это время было для них непростым, и не только потому, что им пришлось отказаться от многих светских развлечений, чтобы не сталкиваться с более или менее явным недоброжелательством части знакомых. 5 декабря от чахотки скончался Иосиф, младший брат Михаила Юрьевича. Кроме того, беременная молодая графиня, памятуя об участии сестры, наверняка тревожилась о том, как пройдут ее роды. К счастью, ее страхи оказались напрасными.

Первенец Виельгорских родился в Петербурге 13 февраля 1817 г. Его нарекли Иосифом⁶³. Это было одно из традиционных имен в семье; кроме того, можно предположить, что так выразилась благодарность родителей, в первую очередь отца, Иосифу Алексеевичу Поздееву. Не исключено, что духовный наставник Михаила Юрьевича был заочным воспитанником младенца от купели. «Желаю,—писал Поздеев 28 марта,—да сокрушает вас дух благодарности за все то, что Господь вам соделал, именно: вы желали иметь жену такую, что все было

⁶⁰ Кошелевым. Он приходился Виельгорскому свойственником: его сестра Маргарита Александровна была свекровью Д. Ю. Волковой (урожд. Виельгорской).

⁶¹ Вероятно, имеется в виду А. Н. Голицын.

⁶² РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 23 (письмо от 27 октября 1816 г.).

⁶³ Не следует смешивать нашего героя с его тезкой и почти ровесником—польским композитором графом Юзефом Виельгорским, представителем другой ветви той же фамилии.

против вас, но Господь все препятствия от вас отвратил и даровал вам имение довольное⁶⁴ и дал ей благополучно разрешиться от бремени и пожаловал вас лучшим рождением, то есть сыном, то видите ли, как Господь вам благоволит?»⁶⁵

Некоторые подробности первых двух с небольшим лет жизни маленького Иосифа—Оти, Отеньки, как называли его родные—известны нам из писем А. К. Шотена. Приняв еще в 1804 г. приглашение Ю. М. Виельгорского сопровождать в качестве компаньона его старших сыновей в заграничной поездке, холостяк Шотен скоро стал своим человеком в семействе и прожил под одной крышей с Виельгорскими до конца своих дней. Он музицировал в домашних концертах и ухаживал за больными, брал на себя разнообразнейшие бытовые и хозяйственные хлопоты (следил за ремонтом дома, состоянием экипажей и выезда, вел счета и деловую корреспонденцию и проч.), позднее сопровождал графине с детьми в ее практически непрерывных многолетних странствиях по европейским курортам—словом, был незаметным. Его подробные и регулярные (почти с каждой почтой, а иногда и чаще) письма к Матв. Ю. Виельгорскому в Москву дают представление о жизни семьи, в том числе о страстной привязанности Луизы Карловны к сыну. Домашние неслучайно величали Иосифа «собственным ее сиятельства ребенком» подобно тому, как личные владения членов императорской фамилии носили названия «собственного дворца», «собственной дачи», «собственного садика» и т. д. Несомненно, графиня нашла себя в супружестве и особенно в материнстве, которое она рассматривала не только как долг и миссию, но и как высшее счастье, ниспосланное ей в утешение за безотрадное сиротство и на редкость сложную дорогу к вступлению в брак.

На лето 1817 г. Виельгорские сняли дачу где-то под Петербургом в ожидании окончания отделки своего городского жилища. Работы, од-

⁶⁴ Общий размер приданого, принесенного Виельгорскому обеими его супругами, в точности неизвестен; в формулярном списке 1850 г. указано, что Луизе Карловне в разных губерниях принадлежат 3074 души крестьян. Кроме того, в 1817 г. в собственность Михаила и Матвея Виельгорских перешло имение их покойного брата Иосифа, доставшееся ему от бабки, А. А. Матюшкиной—934 души в Керенской округе Пензенской губернии—в селе Троицком и деревне Самарихе, а также 268 душ в селе Тюткове Юрьевопольского уезда Владимирской губернии (их прошение о введении в наследство (август 1817 г.) см.: РО РНБ. Ф. 142. № 1).

⁶⁵ РО РНБ. Ф. 142. № 94. Л. 31—31 об.

нако, затянулись, и в сентябре им пришлось переехать в дом, еще полный «духа от красок и сырости и пыли от строения». Впрочем, малышу это, по словам Шотена, не повредило⁶⁶. А уже в начале октября Михаил Юрьевич отправился в Москву. Несмотря на беспокойство жены и настойчивые призывы поскорее возвращаться, он прожил в первопрестольной без малого четыре месяца⁶⁷. Все это время он писал Луизе весьма неисправно, изобретая разные предлоги, чтобы оправдать свое долгое отсутствие. В частности, ему пришло в голову воспользоваться болезнью брата, серьезность которой он значительно преувеличил в письмах к жене⁶⁸. Та же, очевидно, и помыслить не могла, что муж попросту желал отдохнуть от чрезмерной экзальтации, которую она вносила в их отношения. В силу склада характера, легкого и лишенного склонности к экзотически глубоким переживаниям, он куда сильнее, чем Луиза Карловна, должен был страдать от отсутствия полноценного светского общения. По всей вероятности, в Москве Виельгорский вполне отдыхал душой. По этому поводу Шотен с легкой иронией писал Матвею: «Она [графиня] уверена и даже гордится тем, что Мишель от нее ничего не утаит. Может быть. Я только припомню тебе, что от первой жены он был в подобных случаях очень скрытен; и я уверен, что покойница не оставила бы в покое его так долго быть в разлуке. А по сему и видно, что Мишель знает, что могла перенести та и что может эта. Из сего можно заключить, что при всей любви и дружбе этой, та имела более нежности. Но оставим это между нами»⁶⁹.

Жизнь в детской в отсутствие отца шла своим чередом. «Наконец, милый мой Матя, толь много ожидаемый, толико раз предсказанный и даже иногда и видимый, только не нашими глазами, зубок у твоего племянничка прорезался сегодня. Зная его маменьку, ты легко себе представить можешь, какую это причинило ей радость. Собственный же нимало не оказывает в сем удовольствия. Этого зубка никто не ожидал; примечали только, что он с неделю беспокойно спал, но никто не предполагал, чтоб это было к зубам, потому что днем был всегда здоров и весел»,—с комической торжественностью уведомлял сво-

⁶⁶ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 1 (письмо от 27 сентября 1817 г.).

⁶⁷ Там же. Л. 39 (письмо датировано 10 января 1818 г.—днем возвращения графа в Петербург).

⁶⁸ Там же. Л. 37 (письмо от 3 января 1818 г.).

⁶⁹ Там же. Л. 28 об. (письмо от 6 декабря 1817 г.).

его адресата Шотен 11 октября 1817 г., а через полмесяца прибавлял: «У Собственного еще зубок прорезался. Это удивительный ребенок! он совсем при сих случаях не страдает. Про маменьку его я тебе и говорить не хочу: она по нем с ума сходит»⁷⁰. Естественной реакцией окружающих на неумные восторги Луизы Карловны была легкая ирония, к которой и прибегал подчас Шотен: «Графиня мне сказала, что я так стал хорош, как ее собственный.—Тс, только это будь сказано между нами, узнает Мишель, взревнует. (...) Собственный ее сиятельство выговаривает слова Мама»⁷¹.

По возвращении Михаила Юрьевича в столицу ему пришлось задуматься о будущем семьи. Материальное положение Виельгорских было далеко не блестящим, особенно сложным обещал быть следующий, 1819 год. «Тяжелый год! (...) Мишелю придется выплатить, кроме частного долга, одних казенных процентов 70.000 руб.—чем же им будет жить в Петербурге?»—вопрошал встревоженный Шотен⁷². Поначалу возник проект продать рязанское имение Сенницы «и на вырученные (...) деньги купить здесь в Петербурге дом или около оногo небольшое поместье», но через некоторое время это намерение было оставлено за отсутствием «зажиточных охотников»⁷³. Наконец Луиза Карловна взяла инициативу в свои руки и добилась от мужа согласия прожить следующий год в Сенницах или в ее курском поместье. Твердость, выдержка, жертвенная любовь к близким сочетались в характере графини с нервозностью и подсознательным стремлением подчинять себе тех, кому она была безраздельно предана. Материалы семейной переписки убеждают в том, что малейшие недомогания детей или отсутствие писем от домашних равно повергали ее в ужасное беспокойство и едва ли не панику. Так, стоило младшим братьям мужа Матвею и Александру, уехав в пензенское имение, некоторое время не подавать о себе вестей, как ее воображение немедленно разыгралось: «Графиня же (чудная женщина!) не знаю почему, полагает уже, что мужики взбунтовались и вы учинились их жертвою! Каково заключение?»—недоумевал Шотен⁷⁴. Через много лет Н. В. Гоголь, близко по-

⁷⁰ Там же. Л. 5; Л. 15 (письмо от 1 ноября 1817 г.).

⁷¹ Там же. Л. 17—17 об. (8 ноября 1817 г.).

⁷² Там же. Л. 56 об. (7 октября 1818 г.).

⁷³ Там же. Л. 45 (26 января 1818 г.); Л. 55 (7 октября 1818 г.).

⁷⁴ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 56 об. (письмо от 7 октября 1818 г.).

знакомившийся с Виельгорскими, так писал о характере Луизы Карловны: «вы, несмотря на то, что имеете преимущественно перед другими из вашей семьи некоторые несовершенства: умение гневаться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться, имеете, однакож, несравненно более всех силы и энергии душевной, и если предстанет такое дело, которое потребует душевной отваги, то ни у кого, кроме вас, не достанет характера совершить его»⁷⁵.

Убедившись в своей способности руководить мужем, графиня с тех пор все решительнее брала в свои руки правление делами семьи. Ее советчиками и помощниками по хозяйственной части были Шотен и Матвей Юрьевич. Надо полагать, что они также одобрили решение на время из соображений экономии переселиться в деревню. Впрочем, до исторического отъезда из Петербурга в провинцию, намеченного на лето 1819 г., должно было пройти некоторое время. Еще 31 января 1818 г. Шотен лукаво замечал: «Графиня с Мишелем, кажется, не задумались размножать фамилию Виельгорских (но это еще между нами)», а 15 октября сообщал, что «в половине одиннадцатого часа пополудни графиня после 6-ти часов мучений благополучно разрешилась от бремени дочерью»⁷⁶. Поскольку Луизе Карловне «угодно было назвать новорожденную свою материнским именем, а оно в русских святцах не нашлось, то выбрала самое ближайшее в сходстве: Аполлинария; но называть ее Мишель просил всех Аполиною», — писал он через два дня после рождения девочки⁷⁷. Появление на свет дочери должно было заставить Луизу Карловну делить свое внимание между ней и Иосифом, но вряд ли она всецело переключилась на второго ребенка, забыв о Собственном. Сохранившиеся воспоминания и другие свидетельства не позволяют предполагать, что кто-то из пятерых детей в большей степени пользовался ее любовью: она боготворила всех равно, как замечает осведомленный мемуарист⁷⁸, хотя, разумеется, ее

⁷⁵ Гоголь. Т. 13. С. 177 (письмо к Л. К. Виельгорской от 16 января 1847 г.).

⁷⁶ ПД. Ф. 50. № 123. Л. 48 об.; Л. 57. Эти сведения опровергают ошибочное утверждение П. И. Бартенева о том, что Ап. М. Виельгорская-Веневитинова родилась в Москве (РА. 1884. № 5. С. 239).

⁷⁷ Там же. Л. 70 (письмо от 18 октября 1818 г.).

⁷⁸ Соллогуб. С. 293. Ср. весьма выразительную сцену, описанную Шотеном: «(...) у нас несколько дней в доме не без тревоги: у маленькой Аполины чрезвычайно трудно идут зубки: десны ужасно вздулись, и она жестоко страдает; но все